

Латышева, В.А. Историческая наука сегодня: кризис или обновление? // Актуальные проблемы современного гуманитарного познания: материалы международной научной конференции, Витебск, 29–30 октября 2009 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: В. И. Каравкин (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. Машерова», 2009. С. 86–88.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА СЕГОДНЯ: КРИЗИС ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ?

Латышева В.А.

В книге «Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории...» А. П. Назаретян пишет: «Оглядываясь на отгремевшее столетие, рискну дать ему определение, которое может показаться неожиданным: это был первый в истории век осуществленного гуманизма. Большая часть его грандиозных достижений и издержек суть проявления достоинств гуманистической идеи, продолжившихся, по логике вещей, ее недостатками» [3, с. 25]. Действительно, гуманизм и две мировые, гражданские войны, режимы Гитлера и Муссолини, ГУЛАГ и массовый геноцид не могут предстать как понятия тождественные в традиционном понимании вопроса. Такое явление получило название ретроспективной абберации: растущие ожидания, искажая оценку динамики социальных процессов, рожают неудовлетворенность настоящим и иллюзорные воспоминания о прошлом «золотом веке», ведь «современникам и участникам (событий, прим. авт.) трудно сохранять объективность в ее оценках» [там же; с. 7]. Однако, Российская империя распалась, но такова судьба всех империй без исключения. Рядом одновременно с ней распались по итогам Первой мировой войны все европейские империи; по итогам Второй мировой войны рухнули империи колониальные. Сегодня все это смотрится не как трагедия, а как движение вперед и соответствующих стран, и человечества в целом. Мы забываем, что сила хаоса имеет бивариантность, вторая сторона которой связана с креативной тенденцией. Кризис может закрепиться как кризис отката на поколения назад. Но может стать и кризисом развития, радикального продвижения идеи на базе опыта и науки.

Хотелось бы напомнить и о том, что исторические преобразования это не только зримые переменны, которыми оказался урожаен весь XX в. Это, прежде всего изменения самого человека под их влиянием. Изменение не только и даже не столько содержания сознания, сколько структуры психики и мышления [2, с. 7]. Сегодня историческая наука обладает для этого уже благодатной и плодородной почвой – методологической базой психоистории, которая естественным образом выступает основой для

обращения внимания и осознания роли и функций аттрактивности и самоорганизации, имеющих психологические механизмы.

Современные тенденции исторической науки тяготеют к изучению реалий прошлого через действия отдельного человека. Сегодня это он творец истории. При такой постановке проблемного поля познание необходимо человеку не как «гарнир» к повседневности, способный придать ей «изюминку» и остроту, дополнительное чувственное очарование. Отказываясь от познания «сейчас и сегодня», человек отказывается быть субъектом, вершителем собственной судьбы.

Сегодня парадоксально осознавать, что историки как профессионалы имеют в своем багаже фактологическую историю не одной сотни социальных катаклизмов, но история по-прежнему не оставляет тенденции «рассказывать, как это было», не ставя во главу угла изучение, осознание, осмысление механизмов катастроф человечества. Вместе с тем, «Социо-антропологическая история перестает быть в наших глазах панацеей, способной излечить отечественную науку от всех болезней, ей присущих» [1; с. 118]. В этой связи по-прежнему, невзирая на известные подвижки, остается актуальным вопрос человека в истории.

В реалиях современности актуализируется идея о необходимости развивать не только и не столько отдельные отрасли исторического знания, а создание стереоскопическое изображение прошлого, картина которого уже не может быть двух- и даже трехмерной. Реальность нуждается в многомерной матрице отражения прошлого опыта человечества.

В целом перед историками встает вопрос о переосмыслении и поиске обновлений методологической основы, её наборов и практик. В этой связи встаёт вопрос о выработке некоторого своеобразного подхода, посредством которого можно было бы объединить наработки «различных историй», чтобы создать целостное и многогранное представление бытия в рамках исторической реальности.

Однако современное положение истории не должно внушать чувство разочарования в ней как в науке. Кризис всегда вынуждает к поиску более адекватных реальности форм существования, а значит и способов осознать и понять на новом уровне, как опыт прошлого, так и современности с целью открытия возможности для существования будущего. Относительно исторической науки её современное состояние – это скорее процесс некоторого внутреннего обновления научной отрасли познания в связи с актуализацией решения ряда как «внутренних», собственно «исторических», так и «внешних» проблем. История обязана и ищет своё место в динамично трансформирующемся мире, обществе, науке в целом.

1. Абрамчук И. Л. «Антропологический поворот» в исторической науке: российский вариант // Философский век. Альманах. Вып. 25. История философии как философия. Часть 2. / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2003. — С. 118–123.

2. Косолапов Н. А. Человек в исторических преобразованиях XX века: опыт и вклад. VII Плехановские чтения. Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований. Материалы к конференции. Сб.-П., 2005. С. 6–12.
3. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика - психология и прогнозирование): 2-е изд. М.: Мир, 2004. –369 с.